

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7.08

Е. М. Никифоренко

Календарная икона

О календарных иконах на сегодняшний день нет специальных исследований, однако прослеживается четкая взаимосвязь с Месяцесловами богослужебных книг, таких как Евангелия, Апостолы, Уставы, Обиходы и др. Исторические корни возникновения Менологий и Лицевых святцев восходят к Византии XI–XII вв. В процессе изучения связи литературы и живописи интереснейшим материалом являются календарные иконы. Поэтому сегодня, в связи с возрождением интереса к духовной культуре, крайне важно и интересно изучение не только календарной иконы как памятника духовной и художественной культуры, но и сопоставление их иконографических и времяисчислительных систем с письменными источниками, в том числе со служебными Минеями, а также с аналогичными славянско-византийскими иконописными памятниками.

Ключевые слова: лицевые святцы, менологии, русская иконопись, месяцесловы, христианские праздники, церковный календарь.

Е. М. Nikiforenko

A Calendar Icon

Nowadays there are no special researches about calendar icons, but there is certain interrelation with Church Calendars of prayer books, such as the Gospel, Apostles, Charters, the Rules of Church Singing, etc. Historical roots of emergence of Menologys and the Obverse calendar go back to Byzantium to the XI–XII centuries. In the course of studying connection between literature and painting calendar icons are the most interesting materials. Therefore today, in connection with revival of interest to spiritual culture, studying not only a calendar icon as a monument of spiritual and art culture, but also comparison of their iconographic and calendar systems with written sources, including Menology services, and also with similar Slavic-Byzantian icon monuments.

Keywords: obverse calendars, Menologys, Russian iconography, the books of saints with the church calendar, Christian holidays, a church calendar.

О календарных иконах на сегодняшний день нет специальных исследований, определяющих историю их возникновения и проникновения в русскую иконопись, особенности и критерии иконографических систем, функций, которые они выполняли, и главное, взаимосвязь с православным календарем.

Исторические корни возникновения Менологий и Лицевых святцев восходят к Византии XI–XII вв. Их основу составили циклы миниатюр, которые иллюстрировали сборники Житий святых, известных со второй половины X в. в Константинополе. Древняя Русь, приняв христианство в его византийском варианте, восприняла и церковно-хронологические традиции, которыми уже пользовался христианский мир. Влияние церкви на жизнь древнерусского общества было

чрезвычайно велико. Оно распространялось и на времяисчислительные знания. Неоднократно предпринимались попытки, и зачастую не безуспешные, реконструировать древние системы времяисчисления. Но целью этих исследований в основном было уточнение датировок исторических событий.

Месяцесловы являются одной из составных частей таких богослужебных книг, как Евангелия, Апостолы, Уставы, Обиходы и др. Святцами принято называть перечень неподвижных церковных праздников или памятей святых христианской церкви и служб, полагающихся для данного праздника или святого, расписанных на все дни года. Как правило, церковный календарь располагается в начале или в конце богослужебной книги. Кроме того, существует обширная

группа источников, полностью организованных по календарному принципу, то есть праздники и памяти святым в них относительно равномерно распределены по всему тексту. К таким книгам относятся служебные Минеи, Прологи, Кондакари и др. С XI в. становится известным новый тип иконы с изображениями Праздников и святых в соответствии с церковным календарем. В это же время русские Лицевые Святцы и Месяцесловы стали добавляться поминаниями событий, связанных уже с русской историей. Постепенно число событий увеличивалось, и в первую очередь они стали занимать особые места в этих месяцесловах.

Нынче, в связи с возрождением интереса к духовной культуре, крайне важно и интересно изучение не только календарной иконы как памятника духовной и художественной культуры, но и сопоставление их систем с письменными источниками, в том числе со служебными Минеями, а также с аналогичными славянско-византийскими иконописными памятниками. Общеизвестно, что древнерусская живопись находилась в тесной связи с литературой, поэтому изучение этой параллели может содействовать не только в создании своеобразных миграционных карт памятников и книг византийско-славянского мира, но и в выделении отдельных Миней и Лицевых святцев как возможных протографов. Об этом писал Д. С. Лихачев: «Иллюстрации и житийные иконы (особенно с надписями в клеймах) могут указывать на существование тех или иных редакций и служить для установления их датировок и обнаружения не дошедших в рукописях текстов. Лицевые рукописи и клейма икон могут помочь в изучении древнерусского читателя, понимания им текста, особенно переводных произведений, открывать степень его осведомленности, точность проникновения в текст, тип историчности восприятия и многое другое. Это особенно важно, если учесть отсутствие в Древней Руси критики и литературоведения» [1] «Сближения между искусствами, – пишет Дмитрий Сергеевич, – и изучение их расхождений между собой позволяют вскрыть такие закономерности и такие факты, которые оставались бы для нас скрытыми, если бы мы изучали каждое искусство, изолированно друг от друга» [2].

В процессе изучения связи литературы и живописи интереснейшим материалом являются календарные иконы. К сожалению, большая часть древних икон подвергалась неоднократным исправлениям, поновлениям и реставрациям, что

затрудняет исследование памятника. Однако стиль и иконографические признаки остаются одним из наиболее верных показателей времени их создания. Календарные иконы, менологии, лицевые святцы – многофигурные композиции, расположенные рядами по горизонтали или разбитые на отдельные клейма, представляют собой произведения одновременно двух жанров живописи – станковой и миниатюрной. Монументальность и основательность образа каждой минеи позволяет рассматривать ее как произведение станковой живописи, однако мелко, но детально и тщательно прорисованные изображения каждого клейма или каждой из фигур в ряду напоминают о миниатюре. Клейма минейных икон иллюстрируют житийные сюжеты святых мучеников, Господских и Богородичных праздников, праздников в память о земной жизни Иисуса Христа и Богородицы, а также напоминают о некоторых, наиболее важных событиях церковной истории, то есть двенадцатых праздниках. Но при этом они в гораздо большей степени сохраняют свою независимость от текстов, чем, например, миниатюры лицевых рукописей.

Календарные иконы представляют большой интерес и как исторический источник. В них, как правило, отражаются все наиболее значимые исторические события. Об основании городов, об освящении церквей, пожарах, стихийных бедствиях, нашествиях врагов и военных победах такие памятники рассказывают порой более подробно, чем летописи или другие рукописные источники. И правила иллюстрирования исторических событий в календарной иконе в чем-то сходны, а чем-то отличаются от подобных правил в лицевых рукописях. Таким образом, рассмотрение календарной иконы, связь которой с текстами Четий Миней достаточно сильна, крайне интересно в плане осмысления законов построения иконы вообще. Особый интерес представляет тот случай, когда создатель минеи не имеет готового живописного образца и вынужден самостоятельно создавать систему клейм. В таком положении на Руси находились авторы многих минейных циклов икон, вводя образы общерусских святых, появившихся на рубеже XV–XVI вв., а также святых, особо почитаемых в своих регионах. Таковыми, по-видимому, оказались лицевые святцы из Екатерининского собора в Кингисеппе. В центре не только августовской минеи, но и большинства других миней располагается клеймо «Преображение Господне». Также необычна система клейм лицевых святцев из Сампсониев-

ского собора в Санкт-Петербурге. Анализ этой системы позволяет, во-первых, датировать их рубежом XVII–XVIII вв.; во-вторых, допустить миграцию миней по нескольким, скорее всего, деревянным храмам. Можно предположить, что некоторые клейма были переписаны. Но однозначно подтвердить это может только технико-технологическая экспертиза, которая, к сожалению, до сих пор не проведена.

Современный процесс изучения лицевых святцев и минейных икон в их связи с литературной основой побуждает перейти от рассмотрения отдельных памятников к анализу общих закономерностей. Древнерусские лицевые рукописи включали не только праздники Православного Востока, в том числе и русского происхождения, но и те, что были известны только в Западной Христианской Церкви и не отмечены Византией, то есть оставшиеся неизвестными греческой агиографии. Таким образом, изменение календарного состава имен святых, событий и праздников может, как уже было сказано, также являться своеобразным ориентиром в определении времени и места создания того или иного цикла икон.

В иерархию святости включены святители, исповедники, пророки, преподобные и другие чины, но святые мученики в жизни церкви всегда пользовались особым почитанием. Первыми же по времени были записаны предания о святых мучениках. В утверждении и распространении христианства мученичество имело весьма важное значение. Твердость и непоколебимость страдальцев, мужественно шедших на смерть за веру, сильно действовали на сердца язычников, и нередко сами мучители, видя безропотность своих жертв, обращались в христианство. Таким образом, «кровь мучеников была семенем новых христиан». Точно записывая дни кончины святых мучеников, христиане собирались в эти дни для празднования их памяти. Эту роль в христианской церкви выполняли особые писцы, которые записывали все, что происходило с христианами в темницах и судилищах. Эти записки известны под названием «Мученические акты» и нередко содержат целые судебные дела. Описания страданий святых мучеников пользовались большим уважением и были чтимы в церковных собраниях вслед за Священным Писанием. Обычай этот существовал уже во II в., а в 418 г. Карфагенский собор постановил за правило в дни памяти мучеников читать в церкви об их страданиях.

Когда гонения на христиан прекратились и христианская церковь заняла в государстве господствующее положение, было решено собрать воедино все записи и повествования о житии мучеников. Первыми из таких собирателей были Евсей, епископ Кесарийский, и Маруфа, епископ Месопотамский. Вполне естественно, что книги Евсея и других первых собирателей дополняли последующие поколения составителей житий, поэтому претерпели сильные изменения. Календарная икона была введена в употребление в Византии в XI–XII вв. Наиболее ранними считаются Менологии императора Василия II (около 986 г.), ныне хранящиеся в библиотеке в Риме. Они содержат не только клейма с изображением святых, но и клейма с изображением их праведной кончины. В дальнейшем, уже в греческих лицевых рукописях, это становится правилом.

Иконы, представляющие собой горизонтальные ряды маленьких фигурок святых мучеников, чаще упрощенной композиции, известны с XI в. Таковыми являются иконы Синайского монастыря св. Екатерины, выполненные константинопольскими и монастырскими иконописцами. Известно несколько минейных циклов. Один Синайский комплект состоит из двенадцати двусторонних досок 25x17 см с овальным завершением, каждая из них приходится на отдельный месяц. С одной стороны – в семь ярусов изображения святых, поминаемых в этот месяц, с другой – евангельские события, поминаемые в этот месяц. Другой комплект состоит из четырех, значительно больших, икон (55x45). В этом случае разделение происходит по сезонам. Каждая из икон объединяет осенние, зимние, весенние и летние праздники. Третий, более поздний по времени исполнения комплект представляет собой двенадцать очень больших месячных икон (97x67) с изображениями святых и праздников в шесть ярусов. Большой научный интерес представляет маленькая календарная икона-диптих (36x24), отличающаяся по своему составу: на пластинах содержатся изображения Христа Вседержителя, Богородицы и Праздников в медальонах.

В монастыре Спаса Преображения в Метеорах, в Фессалии, частично сохранились иконы-менологии, скорее всего греческого письма. Их одиннадцать, они небольшие по размерам (39x30). На золотом фоне мелкие, свободно стоящие, изящные, немного вытянутые фигурки святых, чаще по три персоны в три ряда. Рисунок и композиция отчетливо показывают свободное

владение мастера формой, высокий уровень пространственного мышления при изображении объемов по воображению. Позже менологии распространились в стенописях средневековых Балкан.

Бесценные труды [3] историка-слависта И. Дуйчева касаются не только истории и политики средневековой Болгарии, но и ее культуры, религиозной жизни, святых. В его многочисленных работах о Рильском монастыре, кроме глубокого внимания к источникам, строгого следования историческим фактам и постоянного поиска истины, чувствуется личностное отношение к покровителю болгарского народа св. Иоанну Рильскому. Источниковедческая база его исследований является фундаментом для современных исследователей средневековой Болгарии в целом и, конкретно, формирования ее монастырской культуры. Автор подробно описывает и анализирует жития и иконографию св. Кирилла и Мефодия, св. Климента Охридского, св. преп. Наума Охридского, св. преп. Иоанна Рильского, св. преп. Петки Болгарской, св. преп. Гавриила Лесновского, св. преп. Прохора Пчинского, св. преп. Иоакима Осоговского, св. Иллариона, епископа Мыгленского, св. Иоакима I, патриарха Тырновского, св. преп. Феодосия Тырновского, св. Евфимия, патриарха Тырновского, св. преп. Романа Тырновского и др. Сила и красота церковной культуры Болгарии в целом и иконографических традиций в частности, сформировавшихся в период с IX по XIV в., столь велика, что даже разрушение храмов и монастырей в годы османского ига не привело к их полному исчезновению, как правило, впоследствии они возрождались монахами и мирянами. Более того, именно в условиях турецкого рабства, несмотря на систематические угрозы, грабежи и поджоги обитателей, возрождались уникальные монастырские комплексы, в которых, к счастью, сохранилось значительное количество фресок с календарной системой сюжетов праздников и дней поминовения мучеников.

В деревянных церквях Древней Руси такие иконы часто заменяли иконостас или же были первыми иконами, вносимыми в храм прежде других образов, чтобы каждый входящий мог найти на них своего святого или тот праздник, который отмечается в данный день.

Среди сохранившихся образцов календарных икон нет одинаковых, и даже сходство отдельных их фрагментов обнаруживается крайне редко, так как каждый памятник дает свое неповторимое сочетание изображений праздников и дней памя-

ти святых, бесконечно разнообразных по индивидуальным характеристикам. Здесь возможно предполагать зависимость и от авторского замысла и от желания заказчика. На Руси Лицевые Святцы имелись практически во всех соборных храмах.

Однако большие, полные Святцы, указывающие иногда по несколько имен святых на каждый день года, то есть имеющие по несколько клейм на один день, не имели широкого распространения. Чаще можно было встретить иконы избранного состава, включающие наиболее значимые церковные торжества. По своей сути православный церковный календарь-пасхалия состоит из двух частей – неподвижной и подвижной. Неподвижная часть церковного календаря – это юлианский календарь, расходящийся на 13 дней с григорианским. Эти праздники приходятся ежегодно на одно и то же число одного и того же месяца. Подвижная часть церковного календаря перемещается вместе с изменяющейся год от года датой празднования Пасхи. Все «подвижные» праздники отсчитываются от Пасхи и перемещаются в пространстве «светского» календаря вместе с ней. Таким образом, обе части календаря-пасхалии (подвижная и неподвижная) в совокупности определяют календарь православных праздников.

Вплоть до новейшей истории существовали две системы летосчисления: на базе григорианского календаря и на основе действовавшего параллельно юлианского. В настоящее время в нашей стране летосчисление ведется по григорианскому календарю (новый стиль), который был введен папой Григорием XIII в 1582 г. и заменил юлианский календарь (старый стиль), который применялся с 45 г. до н. э. Григорианский календарь более точен, поэтому в нем меньше високосных годов, вводимых для устранения расхождения календаря со счетом тропических лет. В России григорианский календарь был введен с 14 февраля 1918 г. Различие между старым и новым стилями составляет в XVIII в. 11 суток, в XIX в. 12 суток, в XX в. 13 суток, а в XXI в. 14 суток.

Универсальные понятия времени и пространства образуют в каждой культуре определенную «модель мира», как пишет в книге «Категории средневековой культуры» [4] А. Я. Гуревич, ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира. В контексте поиска духовных истоков русской культуры, ее духовного возрождения актуальным становится изучение традиционного пра-

вославному взгляду на время; той традиции, которая сложилась, развивалась и была осмыслена с точки зрения богословия. Духовный аспект времени может в образной, религиозной форме раскрыть то, что не поддается аналитическому изучению и, возможно, не столь убедительно с научной точки зрения, но глубоко проникает в тайну времени и человеческое сердце.

Тема природы существующей в России двукалендарности – старого и нового стиля – и осмысление того, почему Юлианский календарь столь важен в жизни Православной Церкви, является значимой составляющей при изучении календарной иконы как христианского традиционного представления о сакральной сущности времени. Календарную икону, вероятно, нужно рассматривать как праздник Сретенья Господня своеобразную встречу линейного времени и сакрального или внешнего времени и внутреннего, то есть связанного с духовной сферой. Это встреча времени и вечности, жизни и смерти, двух культур, светской и религиозной; встречи человека с Богом. Если линейное времяисчисление определяется длительностью объективного времени и течением видимой жизни, то сакральное, духовное времяисчисление определяет «невидимую» жизнь человеческой души и внутреннее содержание явлений мира. Однако они не только противопоставлены друг другу, но и, сочетаясь, могут проникать одно в другое, как на протяжении мировой истории, так и на плоскости отдельно взятой минеи.

Тексты Священного Писания, толкования святых отцов Церкви и современных богословов как первоисточники при изучении сакрального времени позволяют сказать, что четкой, системной концепции времени в христианской культуре не определяется. Однако в этих работах указаны пути духовного уяснения понятия «времени-вечности». Согласно христианскому учению, время сотворено Богом и перманентно присутствует в душе каждого человека. Мир и согласие в человеческой душе были утрачены в результате первородного Адамова греха. И только когда на землю пришел Иисус Христос, Сын Божий, обновленное и преображенное время вновь открылось для человека. И тогда время получило способность соединяться с вечностью через покаяние и восстанавливать в человеке образ Божий. Именно поэтому для сакрального времени главным являются понятия сотериологического, эсхатологического времени, времени искупления, очищения, ожидания и приготовления к благо-

датной вечности. Сакральное же время в христианском миропонимании непрямо связано с процессом самопознания человека перед лицом Божиим. Проблематика сакрального времени в русской культуре затрагивает наиважнейшие точки человеческого мировоззрения: жизни и смерти как слияния с вечностью. В христианском календаре наиболее ярко иллюстрируется сакральность человеческого бытия во времени, в русле которого оно протекает. Поэтому календарь можно рассматривать как форму представления о времени в определенном типе культуры. Просветление ума и преображение сердца – вот то, что стремится показать русская икона. Ведь преображение сердца и есть восстановление в человеке образа Божия. Преображая свое сердце, человек прикасается к вечности, а это и есть переживание безгрешного и беспристрастного сердца. Идея Преображения в христианстве открывает новые горизонты и в восприятии богослужебных текстов. Возможно, такое философско-искусствоведческое прочтение лицевых святцев из Екатерининского собора в Кингисеппе позволит разгадать, отчего иконописец замыслил именно такую систему изображения церковных календарных событий.

Примечания

1. Лихачев Д. С. Доклад на совещании по древнерусской литературе в Ленинграде 26 апреля 1955 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. И. П. Еремин. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – Т. 12. – С. 107.
2. Художественное наследие Древней Руси и современность. – Л.: Наука, 1971. – С. 7.
3. Дуйчев И. Из старата българска книжнина. София, 1944; его же – Българско средновековие. София, 1972; его же – Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981; его же – Пътеки от утрото. Очерци за средновековната българска култура. София, 1985; его же – Рилският светец и неговата обител. София, 1990 и др.
4. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. – М., 1972.